

ПОСЛЕДНИЙ ПИСЬМО МОДНИЦЫ

иронический детектив

Дарья Калинина

Иронический детектив Дарьи Калининой

Дарья Калинина

Последний писк модницы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Последний писк модницы / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2023 — (Иронический детектив Дарьи Калининой)

ISBN 978-5-04-181532-5

Серафима снова вляпалась в неприятности. На этот раз пропала ее соседка – подруга Аня, которая, как считает полиция, стала очередной жертвой маньяка по прозвищу Стилист. Убийца перед смертью наряжает девушек в красивые оригинальные наряды, которые отличаются невероятной изысканностью. Но сами девушки этим платьям не рады – ведь поделиться своими впечатлениями об обновках они уже не смогут...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181532-5

© Калинина Д. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарья Калинина

Последний писк модницы

Редактор серии Е. Ирмеш

Оформление серии А. Зининой

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© komkrit Preechachanwate, Naletova Elena, Galakam, RUM-photo, Oleg GawriloFF,
SabOlga, Jane Salathong, Katrin Baidimirova / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Калинина Д.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Дарья Калинина

ПОСЛЕДНИЙ ПИСК МОДНИЦЫ

Москва
2023

Глава 1

– Бах! Бах!! Бах!!!

Выстроенные ровной линией на полочке шампуни и гели вздрогнули, и многие из них попадали со своих мест.

– Бам! Бам-бам-бам!!!

Шум был таким сильным, что Фима слышала его даже сквозь льющие на нее сверху струи воды.

– Что там такое? – крикнула она, совсем позабыв, что в квартире она находится одна, а стало быть, ответить ей просто некому. – Что случилось?

Ответа она, ясное дело, не дождалась. Вспомнила, что и не дождется, но вылезать из душа и выяснять самой, что там происходит, ей все равно не хотелось. Она только что намылила голову, и теперь меньше всего ей хотелось в таком виде вылезать наружу.

– Бабах!!!

У Фимы из рук выскользнул душ, которым она усиленно смывала с себя мыльную пену.

И тут же снова прозвучало громкое:

– Бах!!!

– Да что же это такое делается в мире! – в полном отчаянии воскликнула Фима.

Потом она наспех сполоснула голову, накинула на себя полотенце, высунулась в коридор и прислушалась. Да, ей не показалось. Ломились конкретно в их входную дверь, и кому-то там снаружи очень не терпелось попасть к ним внутрь. Фима даже встревожилась немножко. Кому так срочно понадобилось очутиться у них в гостях? У родителей, братишки и тетушки Риммы были свои ключи. Они не стали бы ломиться в закрытые двери, потому что все замки предусмотрительная Фима закрыла так, чтобы их можно было открыть снаружи.

Если этого не произошло, значит, там, на лестничной площадке, торчит кто-то чужой.

Фима прокралась к входным дверям, чтобы понять, что происходит и в случае чего сделать вид, будто бы в квартире никого вовсе и нет.

Сначала за дверями раздавалось лишь какое-то невнятное пыхтение. Никакой информативности в себе оно не несло, но заставило Фиму насторожиться еще больше.

И когда Фима уже хотела на цыпочках удалиться и сделать вид, что в квартире и нет никого, знакомый тетушкин голос произнес:

– Да открывайте вы уже там! Сил никаких нет! Неужели никого нет дома?!

Фима тут же распахнула дверь. И ей сразу же стало ясно, почему тетушка не могла воспользоваться своими ключами. Дело в том, что руки у нее были заняты огромной и явно очень тяжелой штуkenцией, крайне неудобной к тому же для переноски. Тетушка была вынуждена растопырив руки, выпятить живот да еще и подбородком себе помогать, и все равно конструкция опасно кренилась.

– Помоги мне, – прошептала тетушка. – Руки не держат.

В последний момент Фима схватила это замотанное в бумагу сооружение, уронив при этом полотенце, которым была замотана от шеи и до коленок. Проходивший мимо их двери как раз в эту минуту сосед впечатлился открывшимся ему зрелищем настолько сильно, что замер на месте с отвисшей челюстью. А Фима поняла, что никогда в жизни не сможет теперь смотреть в глаза этому человеку. К счастью, тетушка Римма как раз в этот момент собрала остатки своих сил, переступила через порог и захлопнула за собой дверь, что было очень кстати.

Фима к этому времени уже вернула на место полотенце, и еще она поняла, что вещь тетушка притащила не только неудобную, но еще и тяжелую. Это было нечто круглое, твердое и очень скользкое.

– Что у тебя там? – спросила она, прикрываясь свертком. – Глобус? Самовар? Хрустальный шар для гаданий? Какой большущий!

Тетушка в ответ лишь покачала головой. Она была слишком утомлена, чтобы говорить. Несколько минут она присидела в прихожей на пуфике, тяжело дыша, пока Фима бегала ей за водой и лекарством. Любопытство одолевало ее.

И как только тетушка Римма смогла говорить, Фима снова спросила у нее:

– Что ты принесла?

– Это мне подарок. На мой юбилей.

– Но он же у тебя только в декабре!

– И что? В моем возрасте точно уже не знаешь, доживешь ли до завтра. Вот я и решила, что куплю сейчас.

– Но подарки полагается дарить, – заметила ей Фима.

Тетушка подбоченилась и горделиво ответствовала:

– Никто не в состоянии порадовать меня так сильно, как могу сделать это я! Только я сама знаю точно, чего я хочу. И вот мне захотелось, и я его купила.

– Что купила-то?

– Уникальная вещь. Ты будешь в восхищении.

– Если тебе нравится, то и я буду в восторге. Но что это?

Несмотря на настойчивость Фимы, тетушка уклонилась от объяснения и вместо четкого и ясного ответа неожиданно заявила:

– Нет, ты скажи, не всегда вкусы у людей, да еще из разных поколений, сходятся. Впрочем, я очень рада, что ты так говоришь.

– А что ты купила-то себе?

– Потом посмотришь.

– Когда?

– Когда я все приготовлю для его демонстрации.

– Ну хотя бы намекни, что это такое.

– Нет. Если скажу, то никакого сюрприза не получится.

– Это что-то съедобное? – пошла Фима на хитрость.

– Вряд ли. Хотя возможно. С голодухи чего только не слопаешь. Моя мама рассказывала, что во время блокады они нашли на чердаке несколько забытых кем-то мешков жмыха, которым до войны люди кормили своих лошадей. Знаешь, что такое жмых?

– Приблизительно.

– Сухой остаток перемолотых семечек подсолнечника, который остается после того, как из семечек добудут масло. Этот жмых и помог нашей семье пережить ту зиму.

– Значит, у тебя там съедобное, но не очень. А это можно носить?

И снова тетушка ответила уклончиво:

– Сейчас люди чего только на себя не напяливают! И цепи, и штаны несурзные, и шляпы. Да, можно и его нацепить, если с головой уж совсем плохо.

– Это текстиль?

Спросила и сама себя обругала за глупость. Где одежда, а где семечки подсолнечника? Впрочем, тетушка ведь не утверждала, что принесла именно жмых. А из конопляных волокон делают удобную и экологичную одежду. А что касается льна, то его семена тоже используют в кулинарии, а из волокон, опять же, делают ткань.

– Нет. Не текстиль.

– Фарфор? Например, элитный чай в красивой расписной китайской коробочке?

– Нет.

– Какое-нибудь украшение?

Тетушка, казалось, задумалась, но Фима сама все испортила, добавив:

– Ювелирное?

И тетушка вновь ушла в категорическое отрицание.

– Техника?

– Нет.

– Белье?

– Нет.

– Постельное белье?

– Нет.

– Посуда?

Фима не надеялась на попадание и задавала вопросы просто так, чтобы хоть что-нибудь спросить. Но неожиданно она угодила очень близко к цели.

– Ну... – заколебалась тетушка Римма, – при большом желании, пожалуй, в нем и впрямь можно что-нибудь приготовить. Хотя лично я не знаю такого идиота, который захотел бы это сделать.

Ясней от таких разъяснений не стало. И тайна тетушкиного подарка начинала уже раздражать Фиму. В том, что тетушка увливалась от прямо поставленного вопроса, было что-то подозрительное. Но тетушка, напившись лекарств, уединилась в своей комнате, отправив Фиму домываться в ванну. Потом домой вернулся Павлик, пришли родители. У всех были с собой какие-то свои новости, так что до ужина Фима про тетушку забыла.

Сегодня на ужин мама подала к столу жаровню с вкуснейшей рассыпчатой гречневой кашей, которая получалась таковой благодаря оставшемуся после приготовления домашней курочки гриль соку. Ничего проще и быстрее этого блюда придумать было невозможно. Всего-то и требовалось, что к измельченным остаткам вчерашней курочки добавить заранее отваренную гречу, зерна которой моментально становились блестящими, а вся каша маслянистой и очень ароматной. Это была уже не просто каша, а какой-то гречневый восторг, гора драгоценных камешков в отдельно взятой тарелке.

Кроме курицы с гречей был еще салат из поздних и таких душистых помидоров с хрустящими огурчиками, заправленный сметаной и посыпанный сверху зеленью свежей петрушки, которая еще умудрялась расти в парнике на даче. А на десерт мама достала домашнее пирожное «картошку», которую приготовила еще вчера.

Какое-то время мама растерянно смотрела на тарелку, где белого фарфора было куда больше, чем темных «картошин». А ведь вчера «картошки» были уложены плотненько одна к другой. Фима сама помогала маме лепить их из плотного теста, вкусно пахнущего какао, сливочным маслом, сгущенкой, грецкими орехами и печеньем. И помнила, «картошек» у них получилось так много, что они еле их устроили на большую тарелку.

– Что-то ряды наши сильно поредели, – заметила мама, вопросительно глядя то на пирожные, то на своих детей.

Но Павлик с Фимой в ответ лишь выразительно посмотрели в сторону отца, который начал говорить, что количество пирожных ничуть не изменилось, просто они на холоде сильно уменьшились, отсюда и промежутки.

– Ты что? Разве не знаешь, что на холоде все предметы уменьшаются в размерах? – спросил он у мамы и опрометчиво прибавил: – Плохо же ты учила физику в школе!

Глаза у мамы опасно сузились.

– Ну, лично мне все ясно. Папе пирожных сегодня не достанется, он свою порцию еще вчера умял.

Конечно, «картошек» хватило на всех. Не такой была человек мама, чтобы обидеть своего любимого мужа и отца своих обожаемых детей. Потом они долго сидели и смаковали тающие во рту пирожные. «Картошку» любили все, а вот чай каждый заваривал с добавкой по своему вкусу. Фима, например, любила мелиссу, Павлик отдавал предпочтение мяте, а мама с папой

пили с молодыми листиками яблони и малины, утверждая, что это лучшее профилактическое средство в разгар сезона вирусов. Куда там чесноку, да и вкус много приятней.

Тетушка Римма отдавала предпочтение то одному, то другому, и сейчас Фима прикидывала, что могла бы подмешать бабушке в чай какое-нибудь средство от аллергии. Вот только какое?

К ужину тетя Римма не вышла, сказав, что ей нездоровится. Мама отнесла поднос с едой для тетушки прямо ей в комнату. Но когда Фима попыталась расспросить, не видела ли мама в комнате что-нибудь необычное, то получила отрицательный ответ. А когда Фима попыталась сунуться к тетушке, то получила у нее от ворот поворот.

– Завтра, детонька, все завтра, – слабым, стонущим голосом сообщила ей тетушка. – Сегодня мне что-то не по себе. Утомилась я. Не по силам мне такие походы. Слишком много народу, слишком много внимания. Отвыкла я от такого.

Фима тщетно шарила глазами по комнате. Таинственный предмет стоял на столике, так плотно укутанный покрывалом, словно это была какая-нибудь особенно стыдливая невеста. После ужина Фима спустилась вниз к Ане, чтобы провести своего Пятницу. Песик по-прежнему продолжал считать своей хозяйкой Фиму, несмотря на то что уже почти месяц жил в квартире у Ани.

– Даже немножко обидно, – сказала Аня, когда собачий восторг по поводу прихода Фимы немного поутих и подругам стало возможным разговаривать. – Я домой прихожу, он мне от силы пару раз хвостиком вильнет чисто из вежливости и снова уходит. Появляется, когда нужно его покормить. Но когда ты приходишь, так это прямо представление какое-то. Любит он тебя. Может, заберешь его все-таки насовсем?

Фиме и самой этого хотелось больше всего на свете. И Пятнице хотелось. И Ане, которая, хоть это всячески отрицала, тоже очень хотелось. Но пока что аллергия тетушки Риммы не позволяла поселить Пятницу в одной с ней квартире.

– А ты дай бабушке лекарство.

– Так это временный эффект.

– А ты ей еще дай! И каждый день давай!

– Что же, так и держать ее на лекарствах? Это может быть вредно для здоровья.

– Сейчас разные средства придумали от аллергии. В том числе и растительного происхождения. На травках!

– На травках, наверное, не вредно, – согласилась с ней Фима.

Идея так понравилась Ане, что она тут же нырнула в интернет. И к тому времени, как Фима с Пятницей вернулись с прогулки, решение было уже найдено.

– Вот оно! – торжественно ткнула Аня какую-то картинку. – Наше счастье! Цветок здоровья!

Фима пригляделась. На картинке было изображено что-то кривенькое, косенькое, сплющенное и морщинистое и к тому же покрытое то ли волосками, то ли шипами, то ли плесенью.

– Страшненькое.

– Да ты не на красоту смотри, а на полезность! Дико целебное растение!

– Его надо жевать?

– Нет.

– Заваривать и пить?

– Нет.

– Нюхать? Курить? Сразу говорю, курить тетушка не станет.

– Да нет же, нет! Оно излечивает любую аллергию одним своим присутствием.

– Это как?

– Сажаешь его в любой подходящий цветочный горшок, ставишь у себя в комнате, и привет! Аллергия улепетывает, нервно почесывая пятки, чтобы никогда уже не возвращаться назад.

– И где же растет это чудо?

– Ну, допустим, растет оно на Ближнем Востоке. И то водится очень глубоко в пустыне, где людей почти нет. Пользуются им исключительно местные прорицатели, которые бережно оберегают его от любых посягательств белых людей.

– Значит, купить его нельзя?

– Получается, что нет.

Аня и сама была сконфужена.

– А у тебя, случайно, нет какого-нибудь знакомого шамана?

– Шамана нет. А зачем тебе шаман?

– А колдуна?

– Колдун еще зачем?

– Так я же тебе говорила, что у прорицателей этого растения хоть завались. Шаман – колдун, близкие понятия. Может, они между собой все дружат. Летают на какие-нибудь свои колдовские симпозиумы.

– Ага! – хмыкнула Фима. – На Лысую гору!

– Какая ты... Неинициативная. Ладно, я сама завтра все для тебя узнаю! Есть у меня один знакомый, который может помочь. И как раз сегодня он придет ко мне в гости. В связи с этим я хотела бы тебя попросить, чтобы ты забрала Пятницу сегодня на ночь к себе. Дело в том, что почему-то Пятница этого человека на дух не переносит. Лаает, рычит, тот его боится. Виду не показывает, храбрится, но все и так понятно. А мне нужно, чтобы мужик расслабился. Заберешь?

– На ночь заберу.

Пятница обезумел от радости, когда понял, что на этот раз хозяйка его не оставит в чужой квартире, а возьмет с собой. Когда Фима приходила к Ане, то песик себя вел словно малыш, к которому родители приехали в лагерь на родительский день. Вроде как он и рад, что они приехали, но все-таки к радости примешивается тревожная нотка: вот родители погуляют с ним, проведут время и уедут домой, а ему придется снова остаться одному. Ну, не совсем одному, но без них, без главных в его жизни людей.

Но сейчас все было хорошо. И никакие тревожные предчувствия не портили Пятнице настроение. Фима шагала по ступеням лестницы и думала, что она на месте Ани все-таки присмотрелась бы к этому новому кавалеру повнимательней. Если Пятница находит человека подозрительным, то, скорее всего, так оно и есть.

– А теперь води себя тихо, – велела Фима песику, когда они подошли к дверям ее квартиры. – Никто не должен тебя ни видеть, ни слышать, ни даже ощущать. Понял?

Пятница сдержанно тявкнул.

– Молчи!

Но Пятница, вместо того чтобы послушно замолчать, еще громче залаял и даже зарычал.

– Ты чего? Почему не слушаешься?

И тут же Фима увидела причину возмущения Пятницы. Сверху к ним по лестнице спулся мужчина. Еще не хватало! Это был тот самый, который сегодня уже имел счастье лицезреть Фиму практически в костюме Евы, прикрытую лишь тетушкиным свертком. И не то чтобы Фима обладала какой-то повышенной стеснительностью, в конце концов, все мы люди, все мы человеки. И ничего такого особенного у нее не было, чего бы не оказалось у других женщин, которых этот мужчина повидал достаточно. Но все-таки ей было неприятно. Тем более что этот гад вовсе не пожелал сделать вид, будто бы ничего не было, а совсем даже напротив, начал гаденько улыбаться Фиме.

– Безмерно рад снова встретить на своем пути столь прекрасную леди.

Пятница негодовал. «Кто ты такой, что смеешь обращаться напрямую к моей хозяйке? Проваливай!»

– Пшел прочь!

Мужчина топнул на Пятницу, отчего того как ветром сдуло. Теперь он облаивал соседа откуда-то из-под ноги Фимы.

– Не очень-то ваш песик любит мужчин. А еще говорят, что собака – это отражение хозяев. Неужели его прелестная хозяйка тоже ненавидит мужчин?

Фима могла бы объяснить этому хаму, что она отнюдь не первая хозяйка Пятницы. И что причин для того, чтобы ненавидеть и бояться мужчин, у маленького песика предостаточно, но это значило вступить в разговор с навязчивым типом. А Фиме этого не хотелось.

Сосед понял, что ответа от нее не дожидается, и произнес:

– Ну, доброй ночи.

Фима кивнула. Он пошел вниз, а Фима еще долго смотрела ему вслед. Она догадалась, что этот мужчина и был тот таинственный гость, которого ждала к себе Аня. В принципе, в том, что Пятница так бурно реагировал на мужчину, не было ничего особенного. Он на всех мужчин так реагировал. И все-таки в последнее время Пятница вроде как сумел взять себя в лапы и уже не кидался на всякого, на ком были брюки. Но этот сосед вызывал у собачки какой-то запредельный уровень агрессии.

– Ты его знаешь? – спросила Фима у песика. – Вы встречались с ним раньше? Он гадкий?

Но Пятница уже забыл обо всех неприятностях. Отвратительный ему человек ушел, и образ его тут же выветрился из собачьей памяти. Теперь он помнил только то, что стоит у дверей, от которых вкусно пахнет его любимой хозяйкой, и настроение у песика вновь сделалось великолепным.

Несмотря на то что Пятнице было сделано строгое внушение вести себя примерно, не шуметь и по возможности вообще не издавать ни звука, он цокал когтями по паркету, сопел и один раз даже взвизгнул. Но тут уж Фима сама была виновата. В порыве излишней конспиративности она не стала зажигать свет и в потемках отдала Пятнице лапку.

– Ой, прости, прости, – зашептала она.

В ответ из комнаты тетушки раздался ее сонный голос:

– Фима? У тебя что-то случилось?

– Все в порядке.

– Но я слышала, ты заплакала.

– Тебе показалось.

– Нет, я слышала. Не скрывай от меня. Ты упала? Ударилась? У тебя что-нибудь болит?

– Нет, нет, нет.

– Я тебе не верю. Ты просто не хочешь меня пугать. Наверное, там что-то ужасное. Сейчас я встану и сама посмотрю.

Фима тут же сунула голову к тете в комнату.

– Видишь, все у меня в порядке! Я уже ложусь спать!

Вид головы любимой внучки несколько успокоил старушку. Раз голова в порядке, остальное тоже как-нибудь приложится.

– Зайди ко мне завтра, у меня есть что тебе показать.

Фима пообещала, что обязательно явится, и пошла к себе в комнату. Там ее уже ждал Пятница, который успел обнюхать каждый уголок и щелочку. После того как песик убедился, что никакая другая собака не успела занять тут его законное место, он еще больше повеселел и дал понять Фиме, что не прочь во что-нибудь с ней поиграть. Например, в мячик. Вместо мячика отлично сгодился туго скатанный носок, который Фима нашла у себя под кроватью.

Он был весь в пыли, и поэтому Пятница его не одобрил. Вместо игры он то и дело пытался растерзать игрушку и снова страшно рычал.

– Вот что, милый мой, ступай-ка ты спать.

Но Пятница был другого мнения. Повиливая хвостиком, он подошел к своей кормушке, которую ему уже выставила Фима, и уселся возле нее. Воды в миске было достаточно. Но вот вторая миска была пуста. И Пятница то и дело устремлял страдальческий взгляд на нее, а потом кидал вопросительный в сторону Фимы.

«Хозяйка, ты будешь меня кормить или нет? – читалось в нем. – Днями столуюсь у чужих людей, неужели я не заслужил горсточку корма из твоих светлых ручек?»

Мордочка у Пятницы была до того жалостливой, что хоть плачь. И хотя Фима понимала, что это все чистой воды разводилово и манипуляции с ее психикой, все равно поддалась на уловку песика и насыпала ему горсточку корма.

Пужинав, Пятница отправился спать. Ему была выделена мягкая подушечка, но он предпочитал спать в ногах у Фимы.

Девушка несколько раз турнула его назад, но и она, и Пятница оба прекрасно знали, чем все это закончится. И как только дыхание Фимы сделалось спокойным и глубоким, Пятница запрыгнул к ней на кровать. Немного повозившись, он устроился так, чтобы оказаться между своей хозяйкой и входной дверью. И теперь уже спокойно заснул в полной уверенности, что если случится быть опасности, то он первым кинется между ней и Фимой и заслонит ее своей грудью.

Пятница один раз в своей жизни уже потерял дорогого ему человека и не собирался разрешить судьбе-злодейке повторить с ним этот жестокий трюк.

Глава 2

В третьем часу ночи Пятница внезапно поднял голову и наострил ушки. Слух у него был чуткий. И в тишине ночи ему показалось что-то подозрительным. Он не умел различать, что показывают стрелки часов, да в любом случае сейчас бы он их и не сумел разглядеть. Но и без этого песик отлично знал, что сейчас еще слишком поздно или слишком рано, чтобы кто-то вдруг стал бы разгуливать по вверенному его охране пространству.

Как ни редко удавалось Фиме приводить к себе в гости Пятницу, но все равно с каждым своим новым приходом смысленный песик все лучше узнавал дом, в котором ему предстояло когда-нибудь оказаться и обитателей которых предстояло защищать. Чтобы познакомиться с теми, кто обитал с его хозяйкой под одной крышей, он использовал все отпущенные ему свыше способности на полную катушку. Он слушал звуки, он изучал запахи и, еще не видя ни разу в жизни домочадцев Фимы, уже неплохо себе их представлял.

Но тот запах, который песик учуял сегодня ночью, был чужой. Никогда раньше этот запах в квартире не появлялся. И звуки, которые издавал чужак, тоже не могли принадлежать никому из обитающих в квартире людей. В этом Пятница мог бы поклясться. Еще не будучи до конца уверенным в том, как следует ему поступить, Пятница все же мягко спрыгнул на пол и побежал в коридор. Он не умел втягивать когти, как это умеют делать хитрые кошки, но Пятница умудрялся ступать так тихо, что его шаги совсем не были слышны.

Возможно, будь сейчас рядом другой пес, он бы и услышал шаги Пятницы, но тот человек, который среди ночи пожаловал в чужую квартиру, не взял с собой собаки. Поэтому некому было его предупредить о том, что он рассекречен и пришла пора убираться прочь, если хочет остаться цел и невредим. Пятница был настроен очень решительно. Никому в целом свете не позволит он причинить вред столь выстрадавшей им своей новой хозяйке. И, оскалив свои острые зубки, Пятница начал осторожно красться в направлении чужака.

А тот вел себя весьма странно. Достал из кармана какой-то сверточек, долго им шелестел, а затем вынул оттуда что-то едко пахнущее, отчего Пятница расчихался. К счастью, чужак тоже в это время чихнул, так что ничего не заметил. Потом он ненадолго скрылся в соседней комнате, где жила старушка, которая, как говорила хозяйка, ни за что не должна была видеть Пятницу. А когда чужак появился опять, запах стал уже слабее. Он все еще чувствовался в воздухе, но уже был вполне терпим.

– Порядочек, – едва слышно произнес чужак и захихикал. – Будет ей завтра сюрприз! Хи-хи!

Шерсть на загривке у Пятницы встала дыбом. После определенных событий, которые случились в его жизни, песик терпеть не мог всех мужчин. А уж тех, кто так противно хихикает в ночи, и подавно. К тому же этому типу тут было не место, нет, совсем не место! И Пятница это хорошо знал. И, не думая слишком долго, Пятница подобрался поближе, примерился и, раскрыв свою пасть, хорошенько тяпнул этого гада за ногу.

Ночной гость никак не ожидал нападения. И когда ему в щиколотку впились тысячи крохотных, но очень острых иголочек и начали рвать и жевать его плоть, он очень расстроился.

И пронзительный визг огласил стены квартиры:

– И-и-и-и..! Пусти-и-и-и..!

Но Пятница привык к тому, как мужчины реагируют, когда их кусаешь. Совсем не так, как женщины. Те сразу хлопают тебя по голове сумкой или чем уж там им под руку повернется. Иной раз тебе от них попадает так сильно, что ты невольно разжимаешь челюсти и мчишься прочь со всех лап, пока еще по башке не прилетело. А вот мужчины – это совсем другое дело. Эти недотепы даже не соображают, что первым делом нужно убрать сам источ-

ник неприятностей. Они пытаются от него убежать, упрыгать, уползти, что угодно, лишь бы не вступать в неравный бой.

Этот оказался ничем не умней всех прочих. Он тоже принялся скакать на месте, но не учел, что вокруг полно хрупких и не слишком хорошо укрепленных предметов, которые от сотрясения попадали на пол, частично разбились, частично сломались, а частично просто громыхнули так, что проснулись все обитатели квартиры.

– В чем дело!

– Кто там свалился?

– Что случилось?

Из разных комнат слышались торопливые шаги. И чужак понял: еще секунда, и он будет разоблачен. Этого ему ни в коем случае не хотелось, поэтому он рванул к выходу. Пятница пропутешествовал вместе с ним ровно до порога, где и отпустил свою добычу. Он даже успел юркнуть в комнату к Фиме, которая спала так крепко, что совсем не слышала всего переполоха, который охватил ее семью.

А они, наведя порядок в коридоре, еще долго судили и рядили, собравшись на кухне, что же это такое могло быть. Пятница чувал, что разговор шел не просто так, его нос сообщил, что там жарят яичницу с колбасой. Но уйти и оставить свою хозяйку в такую минуту Пятница никак не мог. Он не доверял замкам, он не доверял дверям, он мог доверять только самому себе. А потому он остался на своем дежурстве, готовый повторить свой подвиг, если придется.

До утра больше ничего необычного не произошло. Фима встала поздно, и некому было рассказать ей, что тут творилось ночью. Родители ушли на работу, Павлик был в школе, а у Фимы занятия начинались только в три часа, у нее было еще достаточно времени, чтобы погулять с Пятницей, позавтракать, привести себя в порядок и отвести Пятницу назад к Ане.

Девушка пыталась сделать это сразу после прогулки, но у Ани дверь никто не открыл. И на телефонный звонок подруга тоже не ответила. Фима написала ей сообщение в мессенджере, но и там Аня не появлялась с десяти часов прошлого вечера. Это было немного странно и неприятно царапнуло Фиму.

Придя домой, она спрятала Пятницу у себя в комнате, где насыпала ему еды и вновь велела сидеть предельно тихо. А потом пошла на кухню и приготовилась обнаружить там тетюшку чихающей, со слезящимися глазами и начинающимся отеком. Но к немалому удивлению, тетюшка на кухне была, а вот ни одного из вышеперечисленных симптомов сенной лихорадки у тети не наблюдалось.

– Ты как себя чувствуешь? – с удивлением разглядывая тетюшку, спросила у нее Фима. – Спала хорошо?

– Отлично выспалась, несмотря на то что ночью кто-то устроил погром в коридоре.

– А что за погром? – осведомилась Фима, намазывая на белый мякиш черничное варенье из хрустальной вазочки.

Варенье в этот раз получилось жидковато, и фиолетово-синий сироп, напоминающий цветом школьные чернила, так и норовил убежать между пальцев и капнуть на стол или заляпать трудно смываемыми кляксами светлый пол.

– Ты ничего не слышала? Ночью кто-то поднял страшный шум в коридоре.

– У нас в квартире?

– Ну да! Бегал, топал ногами, скулил и лаял.

– Лаял?

– А еще твои родители в очередной раз зачем-то затеяли перестановку мебели. Нет, я ничего не говорю, это их квартира, я тут только в гостях, живу у вас из милости, но почему вещи переставлять нужно обязательно ночью? Когда я отдыхаю?

– Днем папа с мамой работают.

– Зачем-то они поменяли местами этажерку и цветочницу. А кашпо с канной вообще куда-то унесли. Обыскала всю квартиру, так его и не нашла. Ты не видела?

– У меня в комнате его точно нет. Но не переживай, твоя канна не пропадет.

И тут тетушка неожиданно оживилась и даже повеселела:

– Кстати, о каннах... Помнишь, я собиралась тебе кое-что показать?

– Конечно.

– Так пришло время выполнить свое обещание! – торжественно сообщила старушка. – Доедай скорее и пошли ко мне.

Фима проглотила последние кусочки булки, облизала пальцы и снова спросила:

– А как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно.

– Аллергии нет?

– Ни малейшей. А с чего бы ей у меня быть?

– Ну, ты же жаловалась на то, что не выносишь шерсть домашних животных. Кошек там или собак.

– А при чем тут это? У нас в квартире нет никаких животных!

Фима хмыкнула. Если бы тетушка Римма знала, что провела минувшую ночь под одной крышей с маленьким, но крайне мохнатым песиком, она бы не так запела. Хотя и странно – когда Фима прежде приводила к ним Пятницу, то тетушка начинала чихать и задыхаться уже через пару часов после его появления. А сегодня переночевала бок о бок с источником страшных аллергенов и ей хоть бы хны!

Может, аллергия у тетушки прошла? Тогда стоит повременить с возвратом Пятницы назад к Ане? Фиме так этого хотелось, что она готова была цепляться за соломинку.

– Ты меня слушаешь?

– А?

– Я говорю, вот мое новое сокровище!

Тетушка указывала на тот самый округлый предмет, который она вчера вечером с таким трудом доставила до дома. Затем жестом фокусника она сдернула с него покрывало и замерла, явно ожидая восторженных воплей.

– Аквариум? – удивилась Фима. – Ты купила аквариум?

Перед ней была большая круглая емкость из очень толстого стекла, в которую так и просилась золотая рыбка.

– А почему он без воды?

– Вода тут и не нужна. Почти не нужна.

– А где же будут плавать рыбки?

– Рыбок тут и не должно быть.

– Но я же вижу, тут есть песочек, камешки, какие-то растения посажены. А рыбок не хватает!

– Вот заладила! Рыбки, рыбки! Дались тебе эти рыбки! Все, что для счастья нужно, тут уже имеется. Это флорариум! В нем будет расти моя коллекция суккулентов. Посмотри на моих крошек! Правда они милые?

Фима наклонилась над флорариумом. Ну что сказать, хотела бы она разделить восторг своей тетушки, но у нее это упорно не получалось. Нет, песочек был насыпан красивыми слоями, по поверхности были выложены узоры из разноцветных камешков, стекло было изумительно чистым и прозрачным, через него можно было рассматривать внутренний мир обитающих там растений сколько душе угодно.

Но вот сами растюшки откровенно разочаровали Фиму. Она любила что-нибудь пышно цветущее вроде олеандра или розы, на худой конец годеи и гладиолусы. А те растюшки, которыми восхищалась тетушка, выглядели как-то убого. Какие-то были похожи на

сухие, торчащие в разные стороны палочки, какие-то на кустики без листьев, попадалось среди них вообще непонятно что, мясистое, толстое, неопределенной формы да еще и покрытое то ли колючками, то ли шипами.

– И зачем он... оно... они тебе?

– Как это зачем? Любоваться!

– О-о-о, – протянула Фима, постаравшись, чтобы ее голос звучал максимально уважительно. – Значит, ты будешь на них любоваться... ага.

– Почему это я? Мы все будем любоваться! Поставим на кухне, и у нас каждое утро будет ритуал любования прекрасным. Знаешь, что говорят японцы на этот счет?

– Что они говорят?

– Что созерцание прекрасного продлевает человеку жизнь, делает его душу чище, а дух крепче.

– Разве душа и дух – это разные вещи?

– Не придирайся. Главную суть мной сказанного ты уловила, я думаю.

Фиме пришлось подтвердить, что да, уловила.

– Вот только насчет кухни я не уверена. Понравится ли им там? Все-таки на кухне то жарят, то парят, жир и пар.

– Я тоже думала об этом. Но было бы эгоистично с моей стороны оставить себе одной эту красоту.

Чувствуя, что появился шанс улизнуть от мутного японского ритуала любования невзрачными кактусами, Фима очень воодушевилась и с жаром заверила тетушку, что никто ничего такого и не подумает, напротив, все будут просто счастливы, если тетушка получит в свое единоличное распоряжение всю эту красоту. Полностью!

Тетушка выглядела довольной.

– Ты себе даже не представляешь, какой ажиотаж был вчера на выставке. Я думала, что меня снесут. Если бы не Филипп Петрович, то мне к прилавку Елохиной было бы и не пробиться. Но Филипп Петрович красавец! Два метра пять сантиметров. Он всех раскидал и провалился!

– Стоп! Что это еще за Филипп Петрович?

– О! Интеллигентнейший человек. Мы с ним когда-то работали в одной лаборатории, потом в девяностых там все развалилось, но Филипп Петрович – это мозг! Он не растерялся. С несколькими нашими сослуживцами они открыли собственную контору, конечно, масштаб несопоставим, но на свой хлеб с маслом они за эти годы хорошо заработали. Ты бы слышала, как он уговаривал меня принять в подарок «траву жизни»!

– Это что такое?

– Очень редкое и дорогое растение. Безумно дорогое. Везут откуда-то с Ближнего Востока, да еще растет оно там не всюду, а исключительно в глухих уголках пустыни. В общем, денег за него хотят немислимое количество. Конечно, я отказалась от такого дара!

– Но почему?

– Мы с Филиппом знаем друг друга сто лет, но мы не в тех отношениях, чтобы я принимала от него ценные подарки. Хотя с его женой мы в свое время были лучшими подругами.

– То есть он старая гвардия? – одобрила Фима. – Это хорошо! Но он женат?

– В том-то и дело, что Стасенька скончалась несколько лет назад. И с тех пор Филиппу очень одиноко. Дети и внуки у него имеются, но они живут далеко. Кажется, кто-то из мальчишек обитает в Австралии, кто-то в Австрии. Я не прислушивалась, главное, что Филипп заразил меня!

– Чем это?

– Хобби! Он заразил меня своим хобби. И теперь мы с ним – флорарианисты.

Прозвучало это как-то двусмысленно, но тетушка пребывала в таком упоении от своего нового увлечения, что Фима не отважилась с ней пререкаться.

На всякий случай она еще раз уточнила:

– Скажи, а ты в самом деле не чувствуешь никаких симптомов аллергии?

– Нет. Ты это уже во второй раз спрашиваешь. Если ты волнуешься насчет моих новых питомцев, то они совершенно безопасны в этом плане.

И тетушка склонилась над своим флорариумом, непритворно любуясь высаженными там растюшками. Видя, что тетушка находит в этом полнейшее удовольствие и отдохновение от своих забот, Фима сочла за благо не мешать. Она тихонечко вышла, вернулась к себе и шепотом сообщила Пятнице, что сегодня он может остаться у нее.

– Только вести себя ты должен тихо. Еще неизвестно, не вернется ли к тетушке ее аллергия, когда она узнает про тебя. Так что не будем рисковать.

Они с Пятницей пожали друг другу руки-лапы, и Фима отправилась на учебу. Спускаясь по лестнице, она снова позвонила в дверь Ани, но результат был точно тот же, что и утром. Телефон подружки был выключен. И в интернете Аня тоже не появлялась со вчерашнего вечера. А ведь было уже за полдень. И либо Аня очень крепко спала, приходя в себя после бурной ночи, либо...

Второй вариант Фиме не хотелось даже обдумывать. И все же она не могла не думать.

«А если тот тип оказался маньяком и душегубцем? Не случайно же Пятница так на него отреагировал».

Но тут же Фима напонила самой себе, что Пятница так кидается на всех мужчин, которые ему не нравятся. А не нравятся ему многие, если быть точной, то все. И все же Фима попыталась прикинуть, что она знает про того мужчину, которого видела вчера спускающимся к Ане.

«Он не из нашего подъезда. Раньше я его никогда у нас не видела. Новые жильцы тоже не заезжали. Наверное, он снимает квартиру».

Выходя из дома, Фима встретила двух соседок, которые перемывали косточки третьей.

– А я ей говорила, не потянешь ты, Ольга, молодого любовника. Он из тебя все денежки вытянет, а потом к молоденькой все равно от тебя сбежит. И что? Как я сказала, так оно и вышло. Месяца не прошло, как они вместе, а он от нее уже гулять начал. Только вчера вечером видела, как он в двадцатую квартиру направился. А зачем? Уж ясно, что не соли там одолжить!

«Квартира двадцать – это квартира Ани!»

Фима остановилась неподалеку от кумушек, сделав вид, что копается в сумке. Те были так увлечены разговором, что даже не обратили на нее внимания и продолжили разговаривать между собой:

– И главное, Ольги дома уже несколько дней нет. А этот в ее квартире живет барином.

– Ольга-то куда уехала?

– Ничего не сказала, а только нет ее.

– Может, просто не видишь?

– Я ей звонила, недоступна.

– А этот молодой, где она с ним познакомилась?

– Говорит, что на работе. Да врет небось.

– Почему?

– У них на работе одни бабы работают. Это же библиотека! Откуда там мужчины, да еще такие. И ладно бы библиотека была Маяковская или Ельциновская, так нет же, обычная школьная библиотека. Вон в той школе, она мне рассказывала.

– Эффектный юноша.

– Юноша! Ему уж под тридцатник! Но выглядит хорошо. Я бы скорее уж поверила, если бы Ольга сказала, что где-нибудь в ночном клубе с ним познакомилась. У шеста такому самое место. И чтобы старые идиотки, вроде нашей Ольги, ему деньги в трусы пихали бы.

– Если он такой стриптизер и альфонс, то зачем ему Оля? Она в библиотеке работает, а там с деньгами негусто.

– Может, у нее самой и негусто, но ты не забывай, что Оля наследство от родителей получила нехилое. Там и золотишко, и валюта, и дача, и квартиры две, что от бабок остались. Нехилое приданое, я тебе скажу. Если призадуматься, то и Ольга еще не старая, вполне могла бы замуж выйти за приличного человека. Только где же их приличных нынче найдешь, одни стриптизеры и попадаются.

Что же, для начала расследования Фима узнала из болтовни соседок уже достаточно.

Она быстро перебежала дорогу и направилась в ту самую школу, в которой работала библиотекарем их соседка. Павлик учился в специализированной, которая располагалась подальше: брат изучал там английский язык, который к восьмому классу успел возненавидеть всей душой и теперь мечтал перейти в другую, где специализировались бы на физике с математикой.

Все вокруг мальчика отговаривали, твердя хоть и на разные голоса, но зато в унисон:

– Где английский, а где физика с математикой.

– Не далеко ли ты собрался прыгнуть?

– Английская школа у тебя под носом, за десять минут добегаешь, а до математической тебе ездить придется. Хватит ли у тебя сил?

– А способностей? Способностей хватит? Что-то не припомню, чтобы ты хоть одну олимпиаду по физике или математике выиграл, хотя бы даже школьный этап. А по литературе с языком регулярно!

Но Павлик ничего не хотел слышать. Слава русских физиков-ядерщиков, физиков-теоретиков и всех других физиков не давала ему покоя.

Фима братику сочувствовала. Выбор будущей профессии для человека – это очень много значит. И тут уж каждый должен решать для себя сам.

Проскочить в школу с налету не удалось. Возле турникета она столкнулась с парой учителей. Они замерли на месте, совсем не обращая внимания на то, что мешают пройти Фиме. Мужчина был высоким и седовласым, он убежденно доказывал своей спутнице, еще совсем молоденькой девушке, что с современными детьми в первую очередь нужна строгость.

– И никакого панибратства, – весело говорил он ей. – Помните, кто ВЫ и кто они! Всегда помните это. Если вы будете сохранять между собой и ними дистанцию, а внутри себя достоинство, то они это тоже почувствуют. Дети как звери, а вы как дрессировщик. Зверь чувствует страх и неуверенность, тогда он нападает.

Фиме показалось занятным это сравнение детишек с дикими зверями. Похоже, что этот педагог каждый свой урок начинает с мысли о том, что входит в клетку с тиграми.

Она усмехнулась, но ее усмешка осталась незамеченной.

– Только после того как вы овладеете вниманием класса, вы сможете донести до них всю необходимую информацию.

– Вы мне очень помогли сегодня, – лепетала молоденькая учительница. – Просто не знаю, что бы я без вас делала, Валерий Павлович.

– Пустяки. Всегда рад помочь коллеге. К тому же волею судеб мы с вами соседи по кабинетам. Если у вас в классе шум и гвалт, я тоже не могу спокойно преподавать свою химию. Так что, помогая вам, в конечном счете я помогал самому себе.

Молоденькая учительница продолжала благодарить и даже пригласила своего спасителя в гости, обещая познакомить с родителями и бабушкой, но он уже утратил к ней всякий инте-

рес. Толкнул турникет, после чего поспешно попрощался и ушел. Учительница еще какое-то время постояла, растерянно глядя ему вслед, потом тоже поспешила в другую сторону.

Наконец Фима смогла проникнуть на территорию школьного холла. Но дальше пройти не удалось, путь ей перекрыл весьма упитанный охранник, подкреплявшийся из ланч-бокса в свой обеденный перерыв. Свекольный салат и овощное пюре с сосисками успели сдружиться и образовали весьма живописную цветовую гамму, которую охранник с удовольствием поглощал и оторвался от своего занятия ради Фимы с видимой неохотой.

– Куда? В библиотеку? К библиотекарше Ольге? Нет ее!

– Как нет? А где же она?

– Мне не докладывают. Почитай что с прошлой недели я ее и не видел.

– Тогда мне к директору надо!

– На совещании она.

– К завучу.

– Это к кому именно? – проявил любопытство охранник. – У нас их трое.

– Мне без разницы.

– Тогда идите к Анне Семеновне, я ее только что видел. В столовую она пошла, туда за ней и чешите.

Он переписал паспортные данные Фимы в толстый журнал и еще раз посоветовал идти прямо в столовую.

Фима так и поступила. После еды люди добрее, становятся разговорчивыми и открытыми. Тот же человек, который до обеда обзовет вас нехорошими словами и пошлет куда подальше, после обеда выслушает вас со всей доступной ему от природы снисходительностью, мягкостью и добротой. И Фима очень рассчитывала, что этот принцип сработает ей во благо.

Увы, Анна Семеновна оказалась исключением из правил. Она была женщиной худой, высокой и казалась образцовой училкой, скучной до ломоты в зубах. Волосы у нее были гладко зачесаны назад, длинный нос уныло свисал вниз, а ее кожа отливала легкой желтизной, что говорило о желчности характера дамы. Она гордо восседала за своим столиком, хотя рядом с ней все прочие учителя устроились большими или маленькими компаниями. В одиночестве обедала одна лишь Анна Семеновна.

Из всего многообразия школьного меню перед ней стоял одинокий салат из свежей капусты, политый каплей растительного масла, и стакан компота. На оба этих блюда Анна Семеновна взидала с отвращением. С меньшим, а то и большим отвращением взглянула она и на Фиму. И где-то завуча можно было понять. Цветущая и пышущая здоровьем и жизнью девушка выступала полным контрастом с самой Анной Семеновной.

– Ольга? – проскрежетала она голосом, похожим на скрип напильника по стеклу. – У нас такой нет.

– Как нет? Это же ваш библиотекарь.

– Была.

– Куда же она делась?

– Директор ее уже уволил!

И на лице Анны Семеновны появилась довольная улыбка.

Осветила она ее всего на миг, но этого было для Фимы достаточно, чтобы выпалить:

– Сводили личные счета! Чего вы с ней не поделили? Или, верней, кого?

– Не понимаю, о чем идет речь.

Фима отметила, что к их перепалке прислушиваются учителя, сидящие за соседними столиками. Она не стала разочаровывать их и прибавила громкости в голосе:

– Не о чем, а о ком! Вы же с ней мужчину не поделили! Она отбила у вас кавалера, а вы ей за это отомстили, добившись ее увольнения!

– Девушка, вы в своем уме? – изумилась Анна Семеновна.

Но воображение Фимы было уже не остановить, впрочем, как и ее саму.

– Конечно, вы рисковали. Если бы в школе узнали о ваших походах в ночной клуб и о дружбе там со стриптизером, то вас бы саму уволили!

Анна Семеновна сравнялась цветом с лимоном, а на лице у нее появилась гримаса, словно она с трудом сдерживалась, чтобы не вцепиться Фиме когтями в волосы. Но вокруг были свидетели. И Анна Семеновна овладела собой.

– Сумасшедшая! – воскликнула она и встала из-за стола.

После чего покинула столовую, и Фима ее не останавливала. Она уже добила своей цели. Все внимание учительской аудитории было приковано к ней одной.

– Девушка, а что это вы тут говорили про стриптиз? Неужели наша уважаемая Анна Семеновна посещает такие развлечения?

– Еще как!

– И цепляет там молоденьких стриптизеров?

– О да! Красавчиков, каких еще поискать!

И Фима, как могла более точно, описала внешность их нового соседа. Слова ее вызвали разочарование у учителей.

– Тю! Это же ее сын!

– У Анны Семеновны есть сын? Стриптизер?

– Да почему стриптизер? Физрук он наш. Анна Семеновна в этом году пристроила сыночка. Мы сначала не знали, что он ее сын. Фамилия у него другая, по отцу, должно быть. А потом он сам проговорился. Так все и раскрылось. Семейственностью наша Анна Семеновна занимается.

– Другим не позволяет, а ей все можно.

– Конечно, они же с директором подруги, прямо не разлей вода. Куда одна, туда и другая.

– Ты потише болтай.

– А что такого? Я правду говорю. Анна Семеновна перед директрисой стелется, за это себе всякие преференции получает.

– А вам и завидно.

– Мне не завидно, я за справедливость.

– Нечего борьбой за справедливость собственные низменные порывы прикрывать! Это непорядочно!

– За собой последили бы!

Видя, что учительская склока грозит перерасти во всеобщий скандал, Фима поспешила вмешаться, пока это было еще возможно.

– Подождите, может, еще и не о нем речь идет. Как сына Анны Семеновны зовут?

– Григорий!

– Сергеевич!

– А фамилия его как?

– Зубрилин!

И окончательно забыв и про Фиму, и даже про остывающую у них на тарелках еду, учителя разделились на две команды и с воодушевлением сошлись стенка на стенку.

Глава 3

Зубрилин Григорий Сергеевич работал хоть и в этой же школе, но вел уроки в начальных классах, а их здание находилось чуть в глубине квартала. И до него еще нужно было добратся. И хотя Фима понимала, что рискует опоздать на свою собственную учебу, она все же решилась на короткую пробежку. И надо же такому случиться, что, влетая, запыхавшись, в здание началки, она прямо у турникета столкнулась нос к носу со своим новым соседом.

Он тоже ее узнал и обрадовался:

– А вот и вы, прекрасная незнакомка! Ко мне?

К тебе, а то к кому же! Но признаваться в этом было никак нельзя.

И Фима соврала:

– Я насчет братика. Он хочет перейти в вашу школу.

– Павлик? – удивился физрук. – Он же у вас учится в английской школе, а у нас самая простая, обычная.

Гляди-ка на него! Он и это знает! Интересно, откуда? Этот сосед стал казаться Фиме еще более подозрительным, чем вначале. Ну кто в наше время тратит свое время на то, чтобы изучить то, что его окружает? Никто! Только сыщики по долгу службы и... маньяки.

– Но английский – это не его, мальчик мечтает изучать точные науки.

Челюсть у Фимы так характерно отвисла, что физрук рассмеялся.

– Не удивляйся! Мы с Аней вчера обсудили всех жильцов по нашей лестничной клетке. Отлично посидели, две бутылки крымского хереса приговорили и больше бы уговорили, да мне на работу с утра.

– А Ане нет?

– Она говорила, что у нее сегодня выходной. Собиралась поехать в бассейн.

А ведь и правда, Аня по средам занималась плаванием. И занятия у нее начинались ровно в полдень. Значит, вполне могло так оказаться, что Аня не слышала звонков Фимы, потому что в это время плескалась в душе или рассекала водную гладь бассейна. У Фимы тут же отлегло от сердца, и она улыбнулась Григорию уже не натужно, а от души.

Тот немедленно расплылся в ответной улыбке.

– Так что с братиком? Неужели забил на физику с математикой и решил уйти в отрыв вместе с неблагополучными подростками?

– Нет, это не для Павлика, это я для другого братика узнаю.

– Для другого?

– Ну да, у меня есть дядя, а у него есть сыночек. Он еще первоклашка, но дядя с семьей как раз планируют перебраться в наш район, квартиру меняют, вот он и просил меня разузнать, где в окрестностях есть приличные школы для... Э-э-э... Для Игорька!

– Понимаю. Дядя, значит, переезжает? Наверное, это тот высокий мужчина, который вчера ночью выходил из вашей квартиры?

– Что?

Фима не знала, как ей и реагировать. Ей оставалось только врать и дальше:

– Мой дядя низенький и толстенький.

– Тогда это точно не он. Тот мужчина был худощав, если не сказать худ. Просто скелет. Честно говоря, когда я его увидел в темноте, то даже испугался.

– Ночью? – растерянно переспросила Фима. – В темноте?

– Ну, в нашем подъезде свет включается только вниз. А мне было лень спускаться, потом снова к себе наверх подниматься. Решил, чего тут пройти, всего ничего. Попрощался с Аней, она еще хотела меня проводить, да я ее отговорил. Потом пожалел, конечно, да только поздно

уж было. В общем, поднимаюсь я по ступеням, под ноги себе гляжу, чтобы не оступиться, потом что-то меня дернуло, поднимаю голову, мама дорогая, а там он!

– Он?

– Да, ваш дядя.

– Толстый?

– Худой.

– Это не дядя, – возразила Фима, которая точно помнила, что «дядя» у нее другой.

Григорий оказался человеком покладистым и легко согласился:

– Хорошо, пусть не дядя. Но тогда кто это был?

– Я не знаю.

– Не знаете, кто к вам в гости домой по ночам шастает?

Фима растерянно покачала головой. Но Григорий ничуть не огорчился, а вроде как еще больше развеселился.

– Ну вы даете! – воскликнул он. – Чувствую, что с такими соседями я точно не заскучаю!

– А что этот худой у нашей двери делал?

– Так он внутрь входил.

– Как это входил!?

– То ли входил, то ли выходил.

– А кто же ему дверь открыл?

– Никто. Я так понял, что у него ключи имелись. В руках точно связка была.

– И в какое время это было?

– Да уж далеко за полночь. Мы с Аней чуток засиделись. Думаю, где-то около трех ночи было.

– Три ночи?!

– Ну, плюс или минус.

Ничего себе кино получается! Фима не могла прийти в себя от изумления. Ночью к ним в дом заходит какой-то посторонний тип со своими ключами, а единственный, кто смог дать ему отпор, оказался крошечный героический Пятница! Вот что за шум слышала тетушка Римма ночью в коридоре. Туда забрел вор, а Пятница прогнал его.

Чтобы проверить свою догадку, Фима сразу позвонила маме и изложила ей то, что только что узнала от соседа.

– Не знаю, кто к нам приходил и что это вообще было, но я тоже спросонок вроде бы слышала собачий лай. Подумала, что мне мерещится, откуда бы у нас в квартире взялась собака. Но утром в коридоре все валялось не пойми как. Мы с папой быстренько подняли и убежали по делам.

– А перестановку зачем сделали?

– Чтобы отсутствие тетушкиного кашпо с ее канной не так бросалось в глаза.

– А его вы куда дели?

– Никуда. Оно разбилось. И кто-то порезался. На полу мы с отцом обнаружили небольшие пятна крови.

Мама явно ждала, что Фима как-то отреагирует на ее последнее замечание. Например, признается, что это она ночью устроила кавардак, расколошматила кашпо и вдобавок еще порезалась его осколками.

Но Фима ничего такого не делала и пришла в отчаяние совсем по другому поводу.

– О нет! – воскликнула она. – Только не это! Любимая канна тетушки погибла! Тетя Римма с ней столько возилась. Ее точно удар хватит!

– Вот чтобы этого не случилось, сегодня после работы я поеду по магазинам, чтобы купить новое кашпо. А папа отправится за каннами. Он уже договорился с одной женщиной в Кировске, она летом разводит у себя на участке эти цветы. На зимовку забирает их к себе

в дом. Она пообещала, что у нее богатый выбор. Цены у нее тоже богатые, но чего не сделаешь ради любимой тетки. Нам еще повезло, что эта женщина не отправила цветы на зимовку. Они только ждут, когда их обрежут и спустят в холодный подвал. А пока что стоят, цветут и мечтают, чтобы мы их купили!

– Мама, ты спасаешь ситуацию! Тетушка будет счастлива.

– Вряд ли. Помни, тетя ничего не должна знать о том, что у нас в доме ночью произошло. Обещаешь, что сохранишь все в тайне?

Фима пообещала. Ей совсем не хотелось расстраивать тетушку. Собственно говоря, тетушка Римма приходилась тетушкой только маме, а Фиме и Павлику она была скорее двоюродной бабушкой. Но все в семье привыкли звать старушку именно тетушкой и по имени, поэтому и брат с сестрой всего лишь следовали этому правилу.

– В общем, когда мы с отцом сегодня вечером будем возвращаться домой, я тебе позвоню, чтобы сообщить о наших успехах. И согласовать наши дальнейшие действия. Новую канну с кашпо еще нужно как-то пронести в дом. И сделать это необходимо так, чтобы тетя ничего не заподозрила.

День в академии прошел как обычно. Учеба захватила Фиму с головой. И про то, что вечером им предстоит история с возвращением кашпо, Фима вспомнила лишь под вечер, уже оказавшись дома и обнаружив полное отсутствие как тетушки, так и ее кашпо.

Зато из комнаты навстречу Фиме выскочил Пятница. Тот самый Пятница, которому строго-настрого было велено сидеть в комнате и вести себя ниже травы тише воды. Куда там! Песик на радостях забыл все на свете, он так спешил поприветствовать свою хозяйку, что лапки у него скользили по паркету, а его самого заносило на выражах.

– Тише, тише! Это я! Я вернулась! Все в порядке.

Но Пятница никак не успокаивался. Он провел целый долгий день в разлуке со своей хозяйкой и сейчас хотел сполна насладиться их воссоединением.

– Что ты делаешь! Ты такой шумный! Это еще повезло, что дома никого нет. Иначе бы тебя моментально рассекретили и изгнали! Ну что? Идем гулять?

И они отправились гулять.

Фима, проходя мимо квартиры Ани, позвонила ей в дверь. Это уже стало у нее чем-то вроде традиции. Увы, и в этот раз ей снова никто не ответил. Телефон Ани был все еще выключен. И Фима снова почувствовала тревогу. Впрочем, выходной день у человека на то и выходной, чтобы отрываться на полную катушку. Вполне возможно, что обожающая развлечения Аня после бассейна отправилась еще куда-нибудь, чтобы весело провести время с кем-нибудь. И в такой момент ей совсем не нужно, чтобы кто-нибудь другой ей звонил и отвлекал. И еще Фима подумала, может, Аня нарочно избегает общения с ней, потому что не хочет забирать назад Пятницу? Может, он ей надоел настолько сильно, что она решила уйти в подполье?

Пятница носился по улице, не чуя под собой лап. Ему все нравилось. Он был всем доволен. Наконец-то сбылась его давняя и заветная мечта – он живет со своей хозяйкой.

Песик чуточку напрягся, когда они проходили мимо квартиры Ани. Испугался, что его снова вернут сюда. Но все обошлось, и он благодарно лизнул доступный его длинному розовому язычку кусочек пальца Фимы.

Когда мама позвонила Фиме, то голос у нее звучал уже далеко не так бодро, как утром.

– Постарайся увести куда-нибудь тетушку, – озабоченно попросила она. – Хотя бы ненадолго заставь ее покинуть квартиру!

– Тетушки нет. А в чем дело? Вам не удалось купить кашпо и канны?

– Удалось.

– Что-то не так?

– С кашпо все в порядке, не отличишь, один в один. Хорошо, что я помнила магазин, где мы его приобретали. Поехала туда. В торговом зале таких уже не оказалось, но я добилась, чтобы меня провели на склад, и там в углу нашла одно-единственное последнее завалившееся. Оно немного с шербинкой, небольшой брак, но для нас это не важно, мы поставим его трещинкой к стене, тетушка ничего не заметит.

– Это же прекрасно.

– Да, – согласилась мама. – Прекрасно.

– А голос у тебя такой, словно это совсем не прекрасно.

– Ну как тебе сказать... Папа немного опростоволосился.

И в трубке немедленно раздался голос папы:

– Доча, я не виноват! Там других попросту не было!

– О чем это он? – спросила Фима.

– Сейчас придем, сама увидишь.

Заинтригованная Фима встречала родителей в прихожей. Пятницу удалось заманить в спальню, где он получил дополнительный паек и на время отвлекся от мыслей о знакомстве с остальными членами семьи.

И вот он, триумфальный миг. Первой в квартиру вошла мама, неся на вытянутых руках кашпо, которое и впрямь было точь-в-точь как то, что разбилось. А за ней вошел папа, неся большой и роскошный куст канн. Это было прекрасное растение, выращенное с большой любовью и заботой. И все в нем было замечательно, за исключением одного момента.

– Они же красные!

А погибший куст канн, который выращивала тетушка Римма, был буквально усыпан белыми цветами. Ослепительно-белые цветы с легким розовым крапом.

– Папочка, что ты купил?! – воскликнула Фима. – Это же совсем не то!

– Почему совсем?

– Цвет другой!

– Зато размер куста подходящий. И форма цветка. Если ты думаешь, что так просто подобрать две совершенно одинаковые канны, то ты очень ошибаешься. Это тебе не ширпотреб из Поднебесной, который притащила твоя мама и которого на каждом углу завались! Это ручная работа!

– Тетушка никогда в жизни нам не поверит, что ее канна за одну ночь внезапно взяла и покраснела. Придется сказать ей правду.

– И сказать, что кто-то из нас погубил ее цветок, который она пестовала, холила и лелеяла целый год? Нет, нет и еще раз нет! Мы никогда не сделаем этого, потому что это значило бы погубить все доброе, что было между нами и тетушкой.

Как обычно, мама все драматизировала. Но папа ее поддержал:

– Признаваться – это не вариант! – воскликнул он. – А потому... мы его покрасим!

Папа выхватил из кармана баллончик с краской и, пока женщины хлопали глазами, распылил небольшое количество краски на один из цветков.

– Опля! Готово! – заявил он. – Полюбуйтесь!

Цветок стал белым. Ослепительно-белым. Он сверкал и переливался в лучах света, словно покрытый глянцем.

– Специально выбрал глянцевый оттенок краски. Что скажете? Не хуже, чем был настоящий.

Мама какое-то время изучала получившийся результат, а потом махнула рукой:

– Крась! Крась все остальные!

Папа быстро обработал оставшиеся цветы, и все вместе они переставили канну в кашпо. К счастью, прежняя хозяйка хорошо знала свое дело, канна росла в горшке, который идеально подходил для растения, и пересадка ему не потребовалась.

К приходу тетушки Риммы все было уже готово. Вот только сама она что-то задерживалась.

– Приготовлю пока что ужин! – решила мама. – Все брысь из кухни, не мешайтесь у меня под ногами!

Благодаря этому у Фимы появилось время, чтобы сбегать вниз и проверить, не вернулась ли Аня.

Она не вернулась. И не было ни малейшего намека на то, что это может произойти.

И пока родители праздновали удачно завершившуюся аферу с исчезнувшим цветком, Фима быстренько накинула на себя курточку, взяла самокат и покатила на нем к бассейну, который посещала Аня. Благо был он неподалеку, и она добралась до него за считанные минуты.

– Можно узнать, была она сегодня утром у вас на занятиях? – слегка запыхавшись, спросила она у девушки администратора. – Дело в том, что я ее соседка и разыскиваю.

– Ну, в принципе, да. Мы все посещения отмечаем у себя в компьютере. Никакой тайны в этом нет, но порадовать мне вас нечем, вашей подруги сегодня у нас не было.

Значит, утром Аня вовсе не пошла в бассейн. И когда Фима звонила ей, она не плескалась в прохладной прозрачной водичке, поднимая тучи брызг.

И снова тревога стала душить и царапать Фиму. Да еще навалившаяся на город осенняя ранняя тьма добавляла мрачности.

– Без помощи тут не обойтись.

И Фима позвонила своему лучшему другу – Арсению. Он работал в полиции и по совместительству считался женихом Фимы. Ну как считался, сам Арсений пару раз заговаривал о том, что хорошо бы им с Фимой завести общий дом, деток и все такое прочее. Но «все такое прочее» предваряет свадьба. А про свадьбу Арсений пока что не заговаривал. Как-то он предпочитал перескочить этот момент, а Фиме, напротив, хотелось на нем сконцентрироваться.

Арсений сначала был простым участковым в их отделении, потом доучился и перевелся в Следственный комитет. И надо полагать, знал толк в таких делах, когда ни с того ни с сего берут и исчезают молодые и привлекательные девушки.

– Кто пропал? Аня? Вот ты выдумала! Твоя Аня еще та шлендра. Загуляла. Вернется.

– Ага! А скольких таких загулявших потом находят по весне в лесу под елочкой?

Арсений помрачнел. И Фима огорчилась. Видимо, много находят.

– Все равно еще слишком рано поднимать тревогу.

Голос у Арсения звучал уже не так уверенно, но и паники в нем тоже не слышалось.

А потом он предложил:

– У тебя есть телефоны ее близких? Родителей? Позвони им.

– Друзьям я уже звонила. Никто не знает, куда она могла деться.

– А родители?

– Они живут в другом городе.

– Может, она к ним отправилась?

– Нет же! Гриша сказал, что Аня утром собиралась в бассейн. Но я проверила, и там ее не было.

– А кто этот Гриша?

– Новый сосед. Он был у Ани в гостях накануне исчезновения.

– То есть вчера весь вечер они провели вместе?

– До трех утра болтали и пили вино.

– На твоём месте я бы присмотрелся к этому типу.

– Ага! Поняла.

И прежде чем Арсений успел что-либо спросить, Фима уже сбросила звонок.

Она поднялась в квартиру к Григорию и, когда он открыл ей дверь, заявила, глядя ему прямо в глаза:

– Аня все еще не вернулась домой!

Григорий сделал шаг назад, пропуская гостью к себе.

– Входи.

Фима вошла. Только войдя, она спохватилась, что вообще-то Аня пропала как раз после того, как у нее в гостях побывал Григорий. И коли уж выясняется, что утром ни в каком бассейне Аня не была, могло случиться, что ее исчезновение и время визита к ней Григория совпадают по времени. Ведь могло же такое случиться? Могло. И тот факт, что Григорий работал учителем у детишек, дела не менял. С девяти утра и до трех дня он мог быть законопослушным членом общества, а с трех дня и до девяти утра был опасным сексуальным маньяком, похищавшим девушек.

– Я к тебе на минуточку, – сказала она и на всякий случай предупредила: – Родители меня ждут дома, отпустили буквально к тебе сбегать и сразу назад!

– И зачем ты пришла?

– Очень волнуюсь за Аню. И хотела спросить, у тебя не осталось ключей от квартиры Ани?

Глаза у Григория стали по пятаку.

– Ты чего? С какой стати? Мы с ней познакомились только вчера днем.

Вот Анька! Помимо воли Фима почувствовала что-то вроде раздражения в отношении подруги. Только познакомилась с человеком и сразу в гости зовет. В чем-то Арсений, пожалуй, был прав в отношении Ани. Разве можно быть в наше время такой легкомысленной?

– А как Ольга отнеслась к твоим ночным посиделкам с Аней?

– Кто?

Напрасно Григорий пытался изобразить полнейшую невинность и непонимание. У него это плохо получалось. А учитывая, что квартира, в которой он проживал, принадлежала Ольге, то еще и глупо. Наверное, он и сам это понял, потому что перестал строить удивленный вид.

– Никак не относилась. Уехала она.

– М-м-м... Ольга уехала, Аня пропала. Кто-нибудь еще из тех девушек, с которыми ты общался, пропадал?

Фима опасалась, что Григорий сейчас возмутится, что она посмела его заподозрить в причастности к таким исчезновениям. Но он вместо этого заржал.

– Нашла тоже девушек! Ольге уже сорокет скоро стукнет. А выглядит она на полтинник. Моя мать и та свежий огурчик по сравнению с Ольгой.

Это было не совсем так. Верней, совсем не так. Ольга была женщиной интересной и на пятьдесят совсем не выглядела. А если уж сравнивать ее с Анной Семеновной, то последняя однозначно проигрывала с разгромным счетом. Но Фима оставила эти слова на совести Григория. В конце концов, у всех свои предпочтения.

– Значит, Ольга и ты... У вас с ней не было любовного романа?

– Нет, конечно! Просто Ольга мне комнату сдала. Очень удобно, между прочим. От нее до работы мне пять минут пешком. Утром можно на часок дольше поваляться. И после работы не нужно в пробках пухнуть или на метро трястись.

– А с чего же Ольга решила проявить такую лояльность?

– Так уж случилось, что моя мать имеет некоторый авторитет в нашей школе. Кстати, ты это учти, если решишь своего братишку к нам в школу пристраивать. Могу за него похлопотать.

– Значит, тебя к Ольге квартирантом пристроила твоя мама?

– Ну да. Нам с ней под одной крышей несподручно существовать. Отдельное жилье снимать дорого. Зарплата у меня хорошая, но если квартиру снимать, то на жизнь не так уж много остается. Вот мама и сказала Ольге, чтобы та меня к себе жильцом взяла. Ольга и послушалась.

Что-то не нравилось Фиме в этом рассказе. По ее представлению, Ольга была типичной сформировавшейся старой девой. Такому человеку нелегко менять все свои устаканившиеся

за много лет одинокой жизни привычки. А если у тебя под боком появится молодой мужчина, то хочешь или нет, а тебе придется что-то поменять. Например, голой по квартире ты уже в свое удовольствие не побегаешь. И в туалете с открытой настежь дверью не посидишь. И даже к холодильнику по ночам тебе тоже придется с оглядкой ходить, и это в родном-то доме.

Да, помимо этого, мало ли есть еще приятных мелочей, понятных и доступных лишь закоренелому одиночке! И он за эти свои бонусы будет биться до последнего. И просто так чужака к себе подселить никогда не позволит. Для этого у него должны быть очень веские аргументы. Жажда наживы, любовь или страх. Желание подзаработать отпадало сразу, потому что много платить за жилье Григорий не стал бы. Любовь тут тоже никому из участников дуэта не светила: Ольга была совсем не во вкусе Григория. Значит, оставался страх.

Что-то такое знала Анна Семеновна про бедную библиотечаршу, что смогла навязать ей общество своего великовозрастного сынули. Ольга хоть жильца и приняла, но тусоваться с ним под одной крышей ей было невмоготу, и она попросту слиняла. Но это ей не помогло, и вредная завуч, узнав про бегство своей жертвы, пошла еще дальше, наклеузначала директрисе и доби-лась увольнения несчастной.

Определенно, в соседской школе бушевали нешуточные страсти, не хуже мексиканских сериалов. Но все это, вместе взятое, хоть и было очень увлекательно, но ровным счетом никак не проливало свет на то обстоятельство, куда же подевалась Аня.

Фима отправилась домой, но у дверей столкнулась с тетушкой Риммой. Она была не одна, ее сопровождал высокий мужчина. Он был чрезвычайно болезненно худ. И в темноте его склонившаяся над тетушкой фигура выглядела пугающе.

– Ой! – вскрикнула Фима, обнаружив эту парочку. – Кто вы?!

Тетушка Римма просияла.

– Фима, деточка! Откуда это ты?

– Сверху. В гостях была.

– Филипп Петрович, разреши представить тебе мою внучку.

Мужчина оказался настолько галантен, что раскланялся перед Фимой. Пока он сообщал ей, что помнит ее совершенной крошкой, розовой, агукающей и прелестной, Фима рассматривала его с головы до ног. Так это и есть тот самый знаменитый Филипп Петрович, виновник нового тетушкиного увлечения флорариумами? Ничего не скажешь, высок. И худ. И выглядит словно смерть. Уж не его ли видел Григорий прошлой ночью входящим в их квартиру? Со своими ключами! И если так, то роман тетушки оказался куда глубже и серьезней, чем до сих пор подозревала Фима.

– Пойдемте к нам! – предложила она. – Будем пить чай.

Филипп Петрович отказывался недолго. Был приглашен в дом и представлен изумленным родителям. Он долго тряс руку папе, а маме сказал, что ее он помнит очаровательной розовошкой крохой.

– Когда твои родители были заняты, Риммочка брала тебя на работу. Там она приводила тебя ко мне в лабораторию, и мы усаживали тебя в огромное кожаное кресло, где ты прет-мило играла ретортами и пробирками. Тебе там так нравилось, что ты не хотела с него слезать. На этом кресле ты ела и даже спала.

Мама кивнула, и глаза ее увлажнились. Теперь и она вспомнила то чудовищных размеров кресло, пришедшее откуда-то из прошлой жизни, где все предметы, окружавшие человека в его повседневной жизни, были внушительны и монументальны. То кресло в лаборатории было из их породы. Оно было обтянуто жесткой черной кожей, давным-давно потрескавшейся от времени и покрытой многочисленными трещинками, из которых складывался причудливый узор, и его можно было изучать, устроившись головой на одном подлокотнике, ноги положив на другой и водя пальцем по трещинкам, словно по лабиринту.

– Филипп Петрович, родной! Сколько же лет прошло с тех пор, когда мы с вами виделись в последний раз?

– Много! Увы, слишком много, моя дорогая.

– Поужинайте с нами?

– Мы с Риммой уже перекусили. А вот от чая я не откажусь.

К чаю у мамы был приготовлен тарт с начинкой из мягкого сливочного сыра. Готовился он предельно просто, мама не любила сложных рецептов, ради которых нужно часами стоять у плиты.

«Просто и вкусно», – вот было ее кредо по жизни.

Сегодня чай был приготовлен в большом заварочном чайнике в форме курочки-пеструшки, который извлекался из шкафчика только по случаю прихода желанных гостей. Это был своеобразный маркер: если пеструшка на столе, значит, в доме дорогой гость. И сейчас, если заглянуть внутрь, можно было различить в темном янтаре заварки кусочки цитруса – лимона и апельсина, аромат которых отлично сочетался с нежной хрустящей основой и сочной творожно-сырной начинкой тарта.

– Просто восхитительно!

– Язык проглотишь!

Тарт и впрямь получился хорош. А готовился он быстро. Основа из дробленого печенья с растопленным сливочным маслом аккуратно разравнивалась по форме, а сверху выливалась смесь из взбитых с сахаром яиц, сливочного сыра и оставшегося после завтрака творога – не выбрасывать же хороший продукт. Завтра его никто не захочет, а в тарте под общий шум он пойдет за милую душу. Затем все это сооружение ставилось в духовку минут на сорок, чтобы схватилось и слегка зарумянилось, а после остывания убиралось в холодильник.

– Смотрю и поражаюсь, какие чудесные девочки у тебя, Риммочка, – умилился раскрасневшийся от рюмочки налитого ему коньяка Филипп Петрович. – А нам со Стасей судьба так и не подарила такого счастья. Трое мальчишек! Римма, трое!

– Прекрасные у вас получились мальчики.

– А Стася так хотела девочку! Ты помнишь это, Риммочка?

– Ну конечно, я помню.

Но Фима не могла умиляться этому внезапному вечеру встреч. Как ни трогательно все это выглядело, Фима также прекрасно помнила и о том, что случилось прошлой ночью у них в квартире. Шум, собачий лай, а потом она обнаружила небольшие высохшие пятна крови на простыне как раз в том месте, где спал Пятница. А мама видела кровь в прихожей. Значит, песик кого-то кусал. А зная привычки своего Пятницы, девушка почти не сомневалась, что он должен был впиться незваному гостю в одну или другую ногу.

И она спросила:

– А как ваша нога? Не болит?

Филипп Петрович ничуть не удивился ее вопросу и тут же заверил Фиму, что серные ванны в Кисловодске сделали свое дело: колено почти совершенно его не тревожит. И в доказательство своих слов попытался станцевать прямо на лестнице. К сожалению, с координацией у него после выпитого коньяка было не очень, поэтому он едва не свалился на пол. И лишь благодаря своим зрительницам остался цел и невредим.

– А собачий укус? – продолжала допытываться Фима. – Он как? Зажил?

– Меня собаки не кусали.

– Никогда?

– Нет.

– И даже прошлой ночью обошлось? А можно мне посмотреть?

Филипп Петрович пожал плечами. Он хоть и казался чуточку смущенным настойчивостью Фимы, но продемонстрировал ей свои лодыжки. Они были совершенно целыми, ни малей-

ших следов укуса на них не наблюдалось. Заодно Филипп Петрович продемонстрировал Фиме и то самое оздоровившееся в сере колено, которое его раньше тревожило. А потом и второе, чтобы она убедилась, что теперь они и внешне неотличимы, а раньше, до поездки в санаторий, заметно отличались размерами.

И колено, и лодыжки были в полном порядке, это нельзя было не признать. Фима исследовала ноги гостя от щиколотки и до колен, и теперь была растеряна и разочарована. Выходит, что к ним ночью на огонек заглянул вовсе не Филипп Петрович? Тут был кто-то другой?

Ох уж эта тетушка! Ох шалунья! Похоже, что разводит она не только цветы, но и кавалеров!

Глава 4

Утром Фима проснулась с твердой уверенностью, что ей просто необходимо ускорить розыск Ани. Действовать надо было активней, если она хотела, чтобы в этом деле был успех. Еще вчера вечером Фима позвонила Арсению и поставила того перед фактом, что если Аня сегодня утром не появится, то они вскроют дверь в ее квартиру.

Аня не появилась. Не было ее ни дома, ни у друзей, ни на работе. Родители также ничего не знали о судьбе своей дочери и не могли с ней связаться. И хуже всего было полное отсутствие социальной активности в ее сетях. А когда молодая современная девушка так надолго исчезает из своих групп и даже не отвечает взволнованным друзьям и подписчикам, это может значить только самое плохое и пугающее.

Павлик старался снизить градус напряжения:

– А помнишь, как вы в поход летом ходили? – спросил он. – Забрели в такие дебри, где интернета тоже не было.

– Во-первых, выдержали мы без интернета совсем недолго. А во-вторых, тогда было лето.

– Может, она не в поход, а куда-нибудь за границу на курорт улетела.

– Она бы меня обязательно предупредила. Я же должна была вернуть ей Пятницу.

Павлик выпучил глаза.

– Что значит вернуть? А где Пятница сейчас?

– Тс-с... Молчи!

– Нет, правда, где собака?

– Она у меня.

– У тебя? То есть у нас дома? Тут?

– Да. Пятница живет в моей комнате. Только это секрет.

– Конечно, я понимаю. А можно мне его погладить?

– Ну рискни. Но если он тебя тяпнет за палец, то я не виновата.

К счастью, все обошлось. Павлик был еще слишком маленьким, чтобы считаться мужчиной. То есть сам-то он давно считал себя серьезным и взрослым, но Пятница мигом просек, что это всего лишь щенок, то есть ребенок. И отнесся он к Павлику снисходительно. Мол, можешь меня погладить, раз уж ты одной крови с моей хозяйкой, но помни, что из нас двоих главный тут все-таки я.

– А я думал, что бедная собака до сих пор заперта в квартире у Аньки. И еще удивлялся, почему его голоса не слышно из-за ее двери. Анька уже сутки как исчезла, а пес не воет.

– Потому и не воет, что всем доволен.

Прогуляться с Пятницей они отправились вдвоем. Потом Павлик пошел в школу, а Фима с Пятницей дождалась Арсения, который явился тоже не один, а в компании с участковым и слесарем, которого привел из жилконторы.

– Повезло вам, я как раз на прошлой неделе менял замок на этой двери. Хозяйка – молодая девчонка – решила сэкономить. Ну, баба она и есть баба, хоть молодая, хоть старая. Разве же баба в замках толк понимает? Я ей одно толкую, а она мне другое, совершенно даже обратное. Я ей говорю: возьми, красавица, подороже замок в магазине, он надежней будет, а она мне твердит: мол, у меня воровать нечего, лишь бы дверь закрывалась, и ладно. Ну, ладно так ладно, не стал с ней спорить. Купила она самый дешевый. А к нему ключ подобрать – это раз плюнуть. У меня с собой всегда связка имеется, найдем подходящий ключик, не сомневайтесь. Все будет в порядке, даже резать дверную коробку нам не придется.

Все получилось в точности как предсказывал слесарь. Уже третий из нескольких десятков ключей, пусть и с некоторым нажимом, повернулся в замочной скважине.

– Ну вот! Все и готово! Заходите, смотрите, делайте, что вам там нужно!

Арсений с участковым сразу прошли внутрь. А Фима ненадолго задержалась, чтобы спросить слесаря:

– А как получилось, что вы замок меняли?

– Обыкновенно. Вызов поступил, я пришел.

– Но что было с замком? Сломался?

– Сломаться-то сломался, но такое впечатление, будто бы в нем кто-то отмычкой или каким-то чужим ключом поковырялся. Я потому ей и посоветовал новый замок подороже купить, чтобы избежать опасности повторной попытки взлома. А она лишь посмеялась и говорит, что у нее сторож имеется. Вот он!

И слесарь ткнул пальцем в сторону Пятницы, что вызвало немедленный всплеск агрессии у песика. Слесарь отличался хорошей реакцией, он успел отдернуть свой палец буквально в последнюю секунду. Зубки Пятницы клацнули в воздухе в какой-нибудь паре сантиметров от него.

– Вот зараза! – обозлился слесарь. – Чуть снова не тяпнул! Я думал, он меня уже знает!

– Если вы уже приходили к Ане, то должны были знать его характер.

– Он и тогда все норовил меня укусить. Бешеная псина. Вы его усыпите лучше, пока он и впрямь кого-нибудь не покусал.

Услышав это, Фима онемела от возмущения, а Пятница разразился таким громким и злобным лаем, что слесарь счел за лучшее ретироваться.

– Какой противный тип! Его бы самого усыпить не мешало!

Пятница в ответ гавкнул и побежал разбираться со следующими двумя. С Арсением они были уже знакомы, так что Пятница ограничился сдержанным рычанием, напоминая, что он не терпит касаний и прочих фамильярностей от лиц мужского пола, потому что пол этот раз и навсегда вышел у него из доверия. А вот к участковому начал присматриваться всерьез.

Но участковый был не лыком шит.

– Чей это пес? – грозно спросил он у Фимы.

– Он тут живет, то есть жил.

– Уберите собаку! Она мне мешает. Уберите, уберите!

Пятница оторопел. Впервые в жизни ему встретился человек, который не хотел его потискать, погладить или как-то иначе выразить ему свою симпатию. Пятница даже подошел поближе и заглянул в глаза участковому. Мол, точно не хочешь? Не передумаешь, нет?

– Животное, вон! И вообще, все посторонние, тоже вон!

Теперь наступил черед оторопеть уже Фиме. Это она-то посторонняя? Да если бы не она, участкового тут и близко бы не было!

– Я лучшая подруга Ани! И еще я ее соседка.

– И что? Понадобитесь, мы вас найдем и допросим.

Фима хотела возразить, но быстро поняла, что это ни к чему не приведет.

– Хорошо, я ухожу.

И сделала вид, что уходит, но слишком при этом не торопилась.

А замешкавшись в дверях, услышала, как участковый говорит Арсению:

– Определенно, тут что-то есть. Посмотри сюда на эти следы. Они тебе ничего не напоминают?

Дорого бы дала Фима, чтобы услышать ответ Арсения. Но, увы, тот как раз в этот момент оглянулся и посмотрел в упор на девушку. Мол, чего ты тут забыла? Пришлось Фиме удалиться.

– Ничего, они ко мне еще придут! Приползут! А я еще подумаю, говорить мне с ними или нет.

Дома Фима успела покормить Пятницу, и пришло время отправляться на занятия. Выходя из своей комнаты, Фима увидела тетушку Римму, которая с восхищением разглядывала

вала канну. Вчера тетушка была слишком занята своим гостем, у нее не было времени, чтобы оценить старания родителей. Но сегодня старушка уделила время своей любимице.

– Уж не знаю, куда твои родители возили цветок и что они с ним делали, но он выглядит просто великолепно. Какие цветы, какие листья, мне кажется, что она стала еще роскошней, чем была прежде. И самое главное, цветы стали не только крупней, но и цвет у них изменился в лучшую сторону. Они прямо сияют!

– Скажу папе, он будет рад это слышать.

– А при чем тут папа?

– Он же возил твой цветок на реабилитацию после погрома, который устроил тут в прихожей кто-то из твоих поклонников.

Тетушка Римма очень удивилась.

– Каких еще поклонников?

– Я не знаю, кто у тебя нынче кроме Филиппа Петровича имеется.

– Никого у меня нет, – печально произнесла тетушка. – Ты же знаешь, Арон Наумович повел себя не лучшим образом и получил у меня отставку. Вздумал на мне экономить!

– Он и раньше экономил, тебя это не обижало.

– А теперь обидело, – капризно заявила тетушка. – Нет и не будет ему прощения, так ему и передай. Он тебе что, звонил?

Фима была вынуждена признаться, что не звонил. И тетушка совсем приуныла. Похоже, что исчезновение старого адвоката из числа ее поклонников сильно ее опечалило, хоть тетушка и храбрилась изо всех сил и делала вид, что все в полном порядке, так и было задумано.

– Что касается Филиппа Петровича, – произнесла она после заметной паузы, – то он вовсе не мой поклонник. И с чего ты взяла, что он станет устраивать погром? Он очень порядочный человек. Ученый! Не чета некоторым! Он до сих пор занимается научной работой. И ему некогда по ночам шастать, вот так-то! И что это вчера был за пристрастный осмотр его лодыжек и коленей? Это же неприлично, пойми! Хотя он и держал тебя на руках, когда ты была малышкой, но он посторонний тебе человек да к тому же мужчина! Я готова была сквозь землю провалиться от стыда за твое поведение. А сегодня ты снова пытаешься обвинить Филиппа Петровича – этого благородного человека – в том, что он по ночам шарит по чужим домам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.